

УДК 343

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО,
ПОЛУЧЕННЫХ БЕЗ ЗАЩИТНИКА**

Арсентьева С. С.

Институт права ЧелГУ (Челябинский государственный университет)

В статье представлена точка зрения о нравственности нашего уголовно-процессуального закона с точки зрения отторжения нашим законом возможности использования в качестве доказательств показаний обвиняемого, полученных при допросе без участия защитника.

Ключевые слова: доказательства, допустимость доказательства, справедливость судебного разбирательства, ст. 6 ЕСПЧ, нравственность закона, внутреннее убеждение, совесть, судебная этика.

В юридической литературе всегда уделялось внимание доказыванию как составной части уголовно-процессуальной деятельности и поэтому доказательственное право органически включалось в систему норм уголовно-процессуального права [2].

«Перед следователем, прокурором и судом, осуществляющими производство по уголовному делу, в неразрывной связи с задачей обеспечить собирание всех необходимых фактических данных о существенных обстоятельствах дела стоит также задача выяснить, собрана ли эта информация с соблюдением требований процессуального закона; имеет ли она отношение к предмету доказывания; могут ли служить собранные по делу доказательства основанием для принятия процессуальных решений (постановления о привлечении в качестве обвиняемого, задержании, обыске, выемке и т.д.); достаточно ли доказательств для достоверных выводов об обстоятельствах, составляющих предмет доказывания, и в конечном счете, представляют ли они достоверную и полную информацию об исследуемом событии в целом и отдельных его элементах» [2].

Каждое доказательство, в соответствии с правилами, установленными УПК (ст. 88 УПК РФ), подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

Е. В. Марковичева в обзоре (далее по тексту Обзор) научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня проведения первого пленарного заседания Совета судей Российской Федерации «Актуальные вопросы производства по уголовным делам в суде первой инстанции» (конференция состоялась 1 июня 2017 г.) [1] представила анализ доклада К. Н. Белогубец «Актуальные вопросы применения Европейской конвенции о правах человека в сфере уголовного процесса». «К. Н. Белогубец, отмечается в Обзоре, обратил внимание на то, что, исходя из требований ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство, проблемным в российском уголовном процессе является вопрос о допустимости обоснования обвинения показаниями, полученными с нарушением права на защиту» [1]. «Докладчик предложил при решении в судебной практике вопроса о допустимости таких показаний применять метод комплексной оценки ситуации.

Справедливость судебного разбирательства должна презюмироваться, но стороне обвинения следует предоставить возможность аргументировано доказать, что не было реальной возможности обеспечить реализацию права на защиту обвиняемого при получении доказательств» [1]. При этом К. Н. Белогубец заметил, что в п. 11 постановления Пленума ВС РФ № 55 «О судебном приговоре» разъяснено о недопустимости учета в качестве доказательств показаний, полученных без защитника, но, оценивая справедливость судебной процедуры, Европейский Суд в своих решениях «не формулирует столь категоричного вывода» [1].

Прежде чем перейти к анализу обозначенного К. Н. Белогубец как проблемного в российском уголовном процессе вопросу «о допустимости обоснования обвинения показаниями, полученными с нарушением права на защиту» считаем необходимым заметить, что пришло время пересмотреть правовое заблуждение о том, что у европейцев имеется понятие справедливости судебного разбирательства более «справедливого» чем в нашей судебной практике. Ограничимся этим замечанием, так как этот вопрос не является предметом настоящей статьи.

Что же касается «проблемного вопроса», обозначенного К. Н. Белогубец, то проведем его анализ в двух аспектах.

Для иллюстрации приведем примеры судебной практики по ситуации оценки показаний, полученных без участия защитника. В Обзоре Иркутского областного суда за четвертый квартал 2017 года приведен следующий тезис (позиция 17) (далее – Апелляционное постановление): «Неподтверждение подсудимым показаний, данных им в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, в силу пункта 1 части 2 статьи 75 УПК РФ влечет признание их недопустимым доказательством вне зависимости от причин, по которым подсудимый их не подтвердил».¹

Извлечение из Апелляционного постановления.

«Приговором Черемховского городского суда Иркутской области В. осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ за нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Проверяя доводы апелляционной жалобы защитника, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что протокол допроса В. в качестве свидетеля подлежит исключению из перечня доказательств, приведенных в приговоре, так как в судебном заседании В. указанные показания не подтвердил, допрос производился без участия защитника, что в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ исключает его использование для доказывания».²

В Обзоре апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Марий Эл за III квартал 2018 года приведен пример исключения из числа доказательств, допрос дознавателя в качестве свидетеля, подтверждающего показания обвиняемого, полученные в ходе следствия.

¹ См.: Обзор апелляционной, кассационной судебной практики по рассмотрению судами Иркутской области уголовных дел и материалов (IV квартал 2017). Апелляционное постановление № 22-3516/2017 http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=582

² Там же.

По делу П., апелляционная инстанция исключила из числа доказательств, приведенных в обвинительном приговоре «показания свидетеля Д. относительно сведений, которые ему стали известны из беседы с П., а также показания свидетеля О. в части пояснений П., данных им при допросе в качестве свидетеля». Мотивы принятого решения апелляционная инстанция сформулировала в тезисе: «Недопустимо воспроизведение в ходе судебного разбирательства показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде, путем допроса в качестве свидетеля дознавателя, производившего дознание».³

При этом суд апелляционной инстанции указал, что вносимые в приговор изменения не влияют на вывод суда о виновности П., поскольку к выводу о совершении им преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, суд первой инстанции пришел в результате исследования совокупности других допустимых доказательств, их всесторонней оценки.

Первый аспект, рассматриваемого проблемного вопроса.

Процессуальная ценность таких показаний как самостоятельного доказательства в российском уголовном процессе совершенно точно определил законодатель, закрепив норму, в которой прямо указал, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления (это можно отразить лишь в протоколе допроса) может быть положено в основу обвинения «лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств» (ч. 2 ст. 77 УПК РФ).

Приведенный пример судебной практики является подтверждением значения показаний лица в качестве свидетеля, который в дальнейшем приобрел статус обвиняемого, без участия защитника – такие показания исключены без какого-либо юридического последствия на законность состоявшегося обвинительного приговора.⁴

Поэтому ошибки судов первой инстанции в данных примерах по использованию «порочных» доказательств, даже если они бы и стали обыкновением практики, то и в этом случае не являлись бы подтверждением наличия такой проблемы в нашем уголовном процессе.

³ См.: Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Марий Эл за III квартал 2018 года. Постановление № 22-502/2018 <http://vs.mari.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=2404>

См.: Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Марий Эл за III квартал 2018 года. Постановление № 22-502/2018 <http://vs.mari.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=2404>

⁴ Данный пример примечателен тем, что В. был допрошен в качестве свидетеля, при наличии подозрения, что он совершил преступление. Анализируемая «ситуация» в российском уголовном процессе нашла свое разрешение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, которую в тезисном варианте можно представить в следующем изложении: «право пользоваться помощью адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве принадлежит каждому лицу с момента... независимо от его статуса». Мы посчитали излишним приводить раскрытие содержание «момента», так как для темы статьи важно в каком статусе был допрошен В. См., к примеру, так как эта позиция выражена и в других решениях КС: Определение КС РФ № 505-О от 28 февраля 2019 года «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кудымова Сергея Олеговича на нарушение его конституционных прав положениями статей 38, 47, 56, 86, 166, 177 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Наша судебная практика не использует в качестве доказательств и показания подсудимых, полученные в процессе допросов с участием защитников и подтвержденные ими в ходе судебного разбирательства.

Приведем в подтверждении нашего мнения тезис из позиции 15 Апелляционного постановления того же Обзора Иркутского областного суда.

«В силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д.) толкуются в пользу подсудимого. Признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора».⁵

Из приведенного извлечения по данному делу следует, что суд апелляционной инстанции пришел к выводу о необходимости изменения приговора, поскольку выводы суда в части доказанности вины Р. и М. соответственно в покушении на незаконный сбыт гражданину С. наркотического средства гашиш в количестве 6,38 и 10,64 гр., не подтверждены достаточной совокупностью доказательств.

«Как следует из приговора суда, в качестве доказательств суд сослался на показания Р. и М. в ходе предварительного следствия.

Вместе с тем не подтвержденные другими доказательствами, эти показания не могут расцениваться как достаточные для установления виновности лиц, обвиняемых в совершении преступлений, исходя из положений ст.ст. 14, 76, 77 УПК РФ».

Судебная коллегия мотивировала свое суждение тем, что показания осужденных (из судебного решения можно сделать вывод, что от этих показаний Р. и М. не отказались в суде) по обстоятельствам передачи ими С. гашиша (сам С., будучи допрошенным в суде, отрицал факт приобретения им гашиша у осужденных) «не конкретизированы и противоречивы», «не привязана к датам, без указания веса и стоимости наркотического средства», суд не располагал «заключениями экспертов по данному вопросу», исходя из специфики рассмотрения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

А в Обзоре практики рассмотрения судом Ямало-Ненецкого автономного округа уголовных дел в апелляционном порядке за 2 полугодие 2017 года, приведен пример отмены обвинительного приговора, по следующему основанию: «Обвинительный приговор не может быть постановлен лишь на признательных показаниях обвиняемого».⁶

Этот пример примечателен тем, что суд апелляционной инстанции пришел к такому выводу, отменяя обвинительный приговор суда первой инстанции постановленного в особом порядке, указав, что суд «не убедился в обоснованности

⁵ Там же. Апелляционное определение № 22-4288/2017

⁶ См.: Обзор практики рассмотрения судом Ямало-Ненецкого автономного округа уголовных дел в апелляционном порядке за 2 полугодие 2017 года. Утвержден президиумом суда Ямало-Ненецкого округа 31 января 2018 года. Апелляционное определение №22к-797/2017 от 05 октября 2017 года http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=361

предъявленного О. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, поскольку данное обвинение не может быть основано лишь на признании подсудимым своей вины».⁷

Очевидно, ошибки судов первой инстанции исправлялись судами вышестоящей инстанции и, если приговоры основывались лишь на признательных показаниях обвиняемого вне зависимости процедуры допроса и подтверждения их или отказа от них, то такие приговоры отменялись как незаконные, а если «порочные» доказательства, основанные на признательных показаниях обвиняемого, были в числе других доказательств, их исключение из совокупности не влекли отмену приговора.

Другими словами, процессуальная ценность таких доказательств, как показывает наша судебная практика, юридически ничтожна.

Второй аспект, рассматриваемого проблемного вопроса касается судебной этики, так как он произрастает из требований ст. 6 ЕСПЧ, закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство.

Значение судебной этики в процессе уголовно-процессуального доказывания общепризнано в научной сфере, но остается, по нашему мнению, недопонятой в практической деятельности как правоохранительных органов, так и в правоприменительной деятельности других субъектов применения права.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК (Свобода оценки показаний) судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь законом и совестью.

В связке «внутреннее убеждение» и «совесть» при оценке доказательств в законе заложен нравственный идеал оценки доказательств с точки зрения закона и сама духовность закона. Причем законом адресован этот идеал максимуму по оценке доказательств не только судьям, но и присяжным заседателям, прокурору, следователю, дознавателю. Три последних субъекта уголовного процесса также обременены нравственным идеалом закона, но так сложилось в нашей практике, что их процессуальная деятельность по «безнравственному» представлению в суд «сомнительных во всех отношениях доказательств» остается вне анализа причин беспринципности, так как принимает окончательное решение судья и он и оказывается в поле критики. Мы тоже оставляем вне поля зрения данную тему, так как она выходит за рамки предмета исследования настоящей статьи.

Можно гордиться, по нашему мнению, что с точки зрения оценки показаний на основе внутреннего убеждения и совести, то есть нравственной составляющей и духовности закона, нам нечего заимствовать у ЕСПЧ. И прибегать к «комплексной оценке ситуации» по оценке показаний обвиняемого, которые получены по форме с нарушением действующего закона в силу различных причин, с целью использования их в качестве доказательства его вины.

Обратимся к первооткрывателю в разъяснении нравственных начал нашего российского уголовного процесса, когда Россия еще не имела Конституцию, а само понятие «правовое государство» (в отличие от нашего времени, когда права человека по Конституции возведены на олимп «высшей ценности») лишь было предметом исследования философов и юристов в поисках его признаков. Обратимся к мнению человеку с совестью, не лицемеру, патриоту своей страны, талантливому

⁷ Там же.

юристу с богатой практикой, ориентиром для которого служило внутреннее убеждение, основанное на духовности и совести, лишенной «смелостью незнания и appetitов исключительно карьеристического свойства» Анатолию Федоровичу Кони.⁸

Вот его завет нравственного долга судьи (в примечании 14 к нашей статье адресованной прокурору): «Нравственный долг судьи – не идти слепо по пути «собственного сознания», хотя бы наш старый закон в XV томе свода и считал его «лучшим доказательством всего света» и, хотя бы оно подтверждалось внешними обстоятельствами дела, – а свободно, вдумчиво и тревожно исследовать, в чем кроется истинный источник этого доказательства» [3].

Нам нечем усилить позицию А.Ф. Кони «не опираться на собственное (признательное показание) подсудимого» в обоснование его вины. Процессуальная нравственность нашего закона в аспекте настоящего исследования отражена в разъяснениях Верховного Суда РФ о недопустимости обоснования виновности лишь показаниями обвиняемого.

Поэтому рассуждения К. Н. Белогубец, о проблеме нашего уголовно-процессуального закона, которая заключается в расхождении с практикой ЕСПЧ и его рекомендации по приведению нашего законодательства в соответствие с этой практикой с помощью «комплексной оценки ситуации» показаний обвиняемого, по нашему мнению, можно рассматривать как недооценку духовности нашего закона и судейской этики его применения.

Список литературы

1. Марковичева Е. В. Актуальные вопросы производства по уголовным делам в суде первой инстанции // Российское правосудие. № 2 (142) 2018. С. 106-112
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное, М., «Юрид. лит.», 1973. С.4
3. Кони, Анатолий Федорович Закон и справедливость. Статьи и речи / А.Ф. Кони. - Москва: Издательство «Э», 2016. -640 с.: ил.- (Подарочные издания Российская императорская библиотека).

S. S. Arsyentyeva. Procedural significance of the accused's testimony received without a lawyer // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – P. 192-197.

The article presents the point of view of the morality of our criminal procedure law in terms of our law's rejection of the possibility of using as evidence the testimony of the accused, obtained during interrogation without the participation of a defense lawyer.

Keywords: evidence, admissibility of evidence, fairness of judicial proceedings, article 6 of the ECHR, morality of the law, internal conviction, conscience, judicial ethics.

Spisok literatury

1. Markovicheva E. V. Aktual'nye voprosy proizvodstva po ugovolnym delam v sude pervoj instancii // Rossijskoe pravosudie. № 2 (142) 2018. S. 106-112.
2. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe. Отв. редактор N.V. ZHogin, изд. 2-е исправленное и дополненное, М., «YUrid. lit.», 1973. S. 4.
3. Koni, Anatolij Fedorovich Zakon i spravedlivost'. Stat'i i rechi / A.F. Koni. - Moskva: Izdatel'stvo «E», 2016. -640 s.: il.- (Podarochnye izdaniya Rossijskaya imperatorskaya biblioteka).

⁸ Позиция А.Ф. Кони по «проблеме» (обозначенной в нашей статье - следовать практике ЕСПЧ),, когда он был обвинителем в суде: «При обвинениях на суде и я, и некоторые из моих товарищей старались не опираться на собственное /признательное показание/ подсудимого, даже сделанное на суде, и строить свою речь, как бы сознавая вовсе не было, почерпая из дела объективные доказательства и улики, не зависящие от того или другого настроения подсудимого, от его подавленности, нервности, желания принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознаваясь в меньшем, чем то, в чем его обвиняют».